

Ветухов А. В. Происхождение языка [Рец. на:] *Погодин, проф.*
Язык как творчество. Харьков, 1913 // Богословский вестник 1913.
Т. 3. № 11. С. 651—685 (2-я пагин.).

II.

„Происхождение языка“.

По поводу книги проф. *Погодина* „Языкъ какъ творчество (Психологическія и социальныя основы творчества рѣчи). Происхождение языка“.— 4-я т. „Вопросовъ теоріи и психологіи творчества“. Харьковъ 1913 г.
Ц. 2 р. 50 к.—560 стр.

(Окончаніе). ¹⁾

Вопросу объ историческомъ обзорѣ *происхожденія языка*, начиная отъ греческихъ и римскихъ философовъ и грамматиковъ, вплоть до нашихъ дней, посвящено г. Погодинымъ четыре главы (с. 369—545); на нихъ я лишь въ самыхъ общихъ чертахъ остановлюсь, изложивъ болѣе подробно — для выясненія методовъ, приемовъ работы проф. Погодина, одну изъ послѣднихъ по времени появленія работъ по данному вопросу.

Восточныхъ (индійскихъ) грамматиковъ проф. Погодинъ оставляетъ въ сторонѣ, такъ они по преимуществу выдвигали божественное происхождение рѣчи — слова (что не угасало впрочемъ и на всемъ протяженіи исторіи) и останавливается на классикахъ - философахъ, какъ „того исходнаго пункта, отъ котораго пошло европейское научное изслѣдованіе и въ этой области“ (с. 365). Но оказывается, что самые крупные изъ нихъ (Сократъ, Платонъ, Аристотель) разрабатываютъ вопросъ о сущности языка (какъ оно и должно быть), отодвигая происхождение его на задній планъ. И эта точка, какъ увидимъ, проходитъ черезъ всю культурную исторію, иногда въ скрытомъ видѣ, но г. Погодинъ всюду ищетъ своего конька. „Взгляды средневѣковыхъ философовъ на вопросы, связанные съ происхожденіемъ языка, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не собраны. Не всѣ они придерживались библейскаго повѣствованія о называніи Адамомъ вещей природы и видѣли въ этомъ наименованіи разрѣшеніе вопроса о происх. языка“ (с. 375—6). А самое характерное явленіе

¹⁾ См. Бог. Вѣст. Октябрь 1913 г.

этой поры — „номинализмъ и реализмъ“ — восходитъ своими первоосновами къ античной философіи“ (с. 377). „Вопросъ научный былъ отодвинутъ въ средніе вѣка на задній планъ передъ проблемами богословскими, и такъ прекрасно начатая разработка его въ классической древности прекратилась въ угоду необходимости все связывать съ вопросами религіи. Едва ли кто-либо изъ номиналистовъ и реалистовъ средних вѣковъ поставилъ проблему происхожденія языка, какъ вопросъ научнаго познанія. Онъ затерялся въ хаосѣ схоластики“ (с. 393). — „По пути, начертанному ученой средневѣк. философіей, долго развивались ученія о происхожденіи языка. Только во второй половинѣ XVII в., въ философіи Локка. номинализмъ получилъ обоснованіе на почвѣ эмпирическаго познанія“ (ib.) и „лишь во второй половинѣ XVIII в. находимъ настоящій научный интересъ къ вопросу о происхожденіи языка... Джемсъ Гаррисъ... возстановилъ единственно научный принципъ въ изслѣдованіи значенія словъ. Онъ опять увидѣлъ въ нихъ символы вещей“ (с. 394)... „Соглашеніе между людьми,—по Гаррису,—а не природа создала человѣчскій языкъ“ (с. 395). А Руссо „высказываетъ положеніе, подъ которымъ до извѣстной степени подписалась бы и современная эволюціонная наука“ (с. 396). Онъ „развилъ почти въ соотвѣтствіи съ нашимъ современнымъ знаніемъ ученія о первоначальномъ эмоціональномъ языкѣ“ (с. 397) — понимая его въ видѣ „вопля природнаго... вызываемаго лишь извѣстнаго рода инстинктомъ въ особыхъ случаяхъ (с. 398), т. е. собственно ученіе о до-человѣчскомъ языкѣ; а когда онъ доходитъ до настоящаго человѣческаго языка, онъ становится близокъ къ Потебнѣ въ основѣ.

„Первоначальныя названія вещей д. б. имѣть спеціальное, конкретное значеніе, служа наименованіями именно этой вещи... Каждый предметъ получилъ свое отдѣльное названіе

...Если одинъ дубъ былъ названъ А, то другой дубъ былъ названъ В, ибо первая идея, которая извлекается изъ этихъ двухъ вещей, та что онѣ не представляютъ тождества; нерѣдко требуется оч. много времени на то, чтобы замѣтить присутствующее имъ общее“ (с. 399).

...„Намъ хотятъ представить языкъ первыхъ людей, какъ языкъ геометровъ, а мы видимъ, что это были языки поэтовъ... Люди начинаютъ не съ разсужденій... Образный

языкъ родился сначала... Во всѣхъ языкахъ наиболѣе живыя восклицанія оказываются неартикулированными; крики, вздохи являются непосредственными созданіями голоса (простыми голосами, *de simples voix*)“ (с. 401). „Самые звуки д. б. очень разнообразны и различіе удареній умножаетъ тѣ же самые звуки... Количество, ритмъ становятся новыми источниками комбинацій... Въ первобытномъ языкѣ люди не говорятъ, а поютъ... Первобытный языкъ д. имѣть много синонимовъ для выраженія того же самаго существа въ его различныхъ отношеніяхъ. ...Онъ д. б. богатъ увеличительными словами, уменьшительн. формами“ (с. 402). Руссо далеко опередилъ свой вѣкъ, и дальнѣйшіе изслѣдователи меркнутъ передъ нимъ.

— 18-й вѣкъ прочно установилъ принципъ, что „безъ слова нѣтъ мысли“; „безъ сугубаго условія, по силѣ коего понятія привязаны къ звукамъ, а звуки къ письменамъ,—говорилъ Дидро,—все осталось бы погребено въ человѣкѣ, и въ немъ бы погибло“ и „самый вопросъ о происхожденіи языка вовсе не являлся такимъ неразрѣшимымъ и неразрѣшеннымъ, какимъ онъ нерѣдко представлялся впослѣдствіи“ (с. 407), когда его пытались отодвинуть во тьму безсловеснаго, животнаго бытія. Здѣсь встрѣчаемся и съ относительно широкимъ пониманіемъ звукоподражанія, куда относятся и „крикъ природы“ и „живописаніе голосомъ“ (Де-Броссъ), и даже съ правильнымъ представленіемъ о „внутренней рѣчи“: „мыслить,—говорить Де-Бональ,—есть говорить самому съ собою внутреннимъ словомъ, а говорить—значитъ мыслить громко и въ присутствіи другихъ“ (с. 410-я). Гердеръ уже строго разграничивалъ психологію животнаго и человѣка, и языкъ животныхъ, какъ явленіе всецѣло инстинктивное, и языкъ человѣка, который „дѣлаетъ мало или даже ничего не дѣлаетъ, какъ животное, всецѣло по велѣнію инстинкта“ (с. 410) ¹⁾. „Способность размысленія также присуща человѣку, какъ инстинктъ животному“ (с. 128). Близокъ онъ былъ къ Потейнѣ и въ вопросѣ: „какъ изобрѣ-

¹⁾ „Только благодаря языку человѣкъ могъ сдѣлаться Божьимъ созданіемъ, какимъ онъ д. б. быть Развѣ эта будущая сила не съ перваго мгновенія его существованія оживила его, вела и направляла“ (с. 428).

генъ былъ человѣческій языкъ“: „Обособленіе одного („произведшаго на душу человѣка самое сильное впечатлѣніе“) признака изъ совокупности ихъ, данной въ созерцаніи,—таковъ былъ первый актъ рефлексіи, который выразился въ словѣ“ (с. 421). Гердеру былъ даже извѣстенъ „законъ бережливости“ (нынѣ—„законъ сохраненія энергіи“) въ области фонетики, которымъ теперь объясняются законы фонетики.

Тетенсъ отмѣтилъ всю важность и преимущества слова, какъ средства общенія, въ томъ, что произносимое слово одновременно воспринималось и самимъ говорящимъ („внутренняя рѣчь“), а также психическую неоднородность человѣческой массы на самыхъ раннихъ ступеняхъ и необходимость наличности среди нихъ творцовъ, выдающихся людей. Со времени одного изъ основателей сравнительнаго языкознанія Аделунга начинается реальное направленіе въ изслѣдованіи основъ языка—изученіе законовъ, „которые управляютъ человѣческою рѣчью теперь и д. были управлять ея ферментами“ (с. 435), — на чемъ строится понинѣ языкознаніе по крайней мѣрѣ со времени появленія „Principien“ Пауля.—Эпоху въ изученіи философіи языка сдѣлали труды В. Гумбольдта, полагавшаго, что „въ языкѣ надо видѣть не столько мертвое созданіе, сколько создаваніе. Языкъ есть (одновременно) нѣчто постоянное и нѣчто въ каждый моментъ преходящее. Даже его сохраненіе съ помощью письма представляетъ собою лишь несовершенное консервированіе, въ родѣ муміи... Языкъ является вѣчно повторяющейся работой ума (духа, Geist), которая стремится сдѣлать артикулированный звукъ выраженіемъ мысли... Высшее и тончайшее... м. б. воспринято или смутно понято только въ *связной* рѣчи, и это служить лучшимъ доказательствомъ того, что настоящимъ языкомъ заключается въ дѣятельности его дѣйствительнаго создаванія“ (с. 437). Отвѣтъ на вопросъ, когда и какъ началась такая дѣятельность, и будетъ отвѣтомъ на кардинальный для Погодина—о происхожденіи языка.

„Языкъ есть одновременно необходимое завершеніе мышленія и естественное развитіе заложенныхъ способностей, характерныхъ для человѣка какъ такового. Но это развитіе не есть развитіе инстинкта, который можетъ быть объясненъ только физиологически. Не будучи актомъ непосредственнаго

знанія, даже мгновенной самовольности и свободы, *языкъ все же может принадлежать только существу, надъленному сознаниемъ и свободой, и возникаетъ у него изъ невѣдомой ему самому глубины его индивидуальности и изъ дѣятельности лежащихъ въ немъ силъ*" (с. 440).—Близокъ къ Гумбольдту въ основныхъ воззрѣнїяхъ и Гейзе (въ „Системѣ языкознанїя“): „Человѣкъ отличается отъ животнаго своимъ разумнымъ умомъ. Тотъ фактъ, что у животнаго отсутствуетъ этотъ послѣдній, доказывается вполне опредѣленно неспособностью животнаго къ совершенствованію. Птицы строятъ свои гнѣзда, а пчелы свои соты и теперь такъ же, какъ онѣ это дѣлали тысячелѣтія тому назадъ. Ихъ поведеніе опредѣлено природой, а не самоопредѣленіемъ, отсюда вытекаетъ отсутствіе прогрессирующаго саморазвитія, отсутствіе исторїи. Человѣкъ отличается внѣшнимъ образомъ отъ животнаго языкомъ“ (с. 447). „Гейзе былъ чуждъ эволюціонной точки и не допускалъ даже мысли о связи первоначальнаго человѣческаго языка съ животными криками (с. 448).—„Съ перваго же момента своего бытія, говоритъ Гейзе, человѣкъ является, согласно своей сущности, самостоятельнымъ, разумнымъ существомъ и долженъ, какъ таковое, выражаться. Поэтому и происхожденіе языка должно прямо совпадать съ происхожденіемъ челоѣческаго рода, а этотъ послѣдній нельзя мыслить, какъ пребывающій долгое время въ звѣреподобномъ естественномъ состоянїи, изъ котораго онъ только медленно и съ трудомъ пробуждается для сознательной жизни“ (с. 449). Т. о. вырытая еще Декартомъ пропасть между животной и челоѣческой психикой, еще яснѣе опредѣлившаяся въ трудахъ Гердера, Гумбольдта и Гейзе ¹⁾, дала возможность опредѣленно показать, почему челоѣкъ говоритъ, а животное, нѣтъ, но *какъ* онъ заговорилъ впервые, эволюціонно развиваясь изъ животнаго состоянїя,—на этотъ вопросъ,—столь модный впослѣдствїи и понинѣ,—это научное теченіе и не могло, да и не должно было отвѣчать: онъ же тѣсно связанъ съ происхожденіемъ самого челоѣка, а здѣсь только двѣ точки: челоѣческая—эволюціонная и божественная—откровеніе, иначе—разумъ и вѣра,—области глубоко

¹⁾ Въ эти ученые въ основномъ сужденїи о возникновенїи слова примыкаютъ къ Потебнѣ. То же и Лацарусъ: „Слово обозначая цѣлую вещь, выражаетъ лишь одно ощущеніе, т. е. одно свойство ея“ (с. 458).

различныя, въ корнѣ своемъ. Естественно, что „вѣрующій“ Гейзе находилъ утверждение „безбожника“ Фихте — „grundfalsche Ansicht“ (въ изслѣдованіи его „О языковой способности и происхожденіи языка“) о томъ, что инстинктивные, животныя звуки лишь тысячеклѣтїями, исподволь превращались въ символы, элементы, человѣческой рѣчи, при видномъ участіи въ этомъ процессѣ вождей, начальниковъ племенъ и т. д.—словомъ всего того, что такъ усердно проводится и современной этнологіей.—Всѣ основныя теченія въ изслѣдованіи языка (эволюціонное, историческое и психологическое), изложенныя выше, опирались на *цѣльное міровоззрѣніе изслѣдователей*, тогда какъ „въ настоящее время едва ли возможно примыкать цѣликомъ къ тому или другому направленію въ изученіи спеціальнаго научнаго вопроса, не считаясь съ тѣми данными, которыя предложены наукой, въ какомъ бы направленіи не изслѣдовался вопросъ“ (с. 451). Конечно, всѣмъ научнымъ объемомъ вопроса необходимо владѣть всякому ученому, и если онъ являлся сколько-нибудь крупной величиной, онъ и во всѣ времена (не только нынѣ) стоялъ на этой высотѣ, но для таланта—необходимо любое твердо установленное, опредѣленное, свое міровоззрѣніе — какъ лучъ свѣта въ своихъ отправныхъ пунктахъ; оно можетъ совершенствоваться и видоизмѣняться, но оно *необходимо*, и этимъ болѣетъ научная современность. Такъ уже Ренанъ оказался между двухъ стульевъ въ вопросѣ о происхожденіи языка: „Суть дѣла именно въ томъ, что человѣкъ обладаетъ потребностью передавать, сообщать другимъ содержаніе своего сознанія. Совсе не важно, какіе знаки для осуществленія этой задачи употребляетъ человѣкъ: мимику, жесты или какіе-либо звуки. Важно лишь то, что такая, чуждая всему животному міру, потребность констатируется у всего человѣчества, нынѣ извѣстнаго наукѣ“ (с. 453). Въ то же время Ренанъ пытается установить законмѣрность эволюціи человѣческой рѣчи, и однако заявляетъ, что слово есть орудіе рѣчи, какъ глазъ и ухо — орудія способности видѣть и слышать“, но вѣдь видить и слышать онъ такъ же, какъ и животное, инстинктивно, значить и слово—область инстинкта, который отнюдь „не чуждъ всему животному міру“. Тогда какъ Дарвинъ, какъ послѣдовательный создатель теоріи естественнаго подбора, полагаетъ начало человѣче-

скаго языка „въ глубокомъ до-человѣческомъ прошломъ человѣчества“ (с. 459) и уравниваетъ его съ „шестью различными звуками Парагвайскихъ обезьянъ, находившихся въ возбужденномъ состояніи“ (с. 459), нисколько не задумываясь надъ вопросомъ, понимали-ли вообще обезьяны эти инстинктивныя разряженія эвергій,—въ чемъ вся суть вопроса, безъ чего языкъ обезьянъ и языкъ человѣка будутъ совершенно различными явленіями. А когда вопросъ о пониманіи всплываетъ на поверхность, Дарвинъ подставляетъ и здѣсь свое міросозерцаніе: „Отличіемъ человѣка отъ низшихъ животныхъ служить никакъ не пониманіе членораздѣльныхъ звуковъ: каждый знаетъ, что собаки понимаютъ многія слова и фразы“ (с. 460), хотя какъ тонкій наблюдатель онъ долженъ былъ бы строго различать инстинктивное пониманіе тона человѣческой рѣчи отъ пониманія самой рѣчи—слова, смысла: собака на самое ласковое слово, произнесенное тономъ угрозы, будетъ реагировать боязнью и наоборотъ, особенно если слово сопровождается и мимикой. „Способность произносить членораздѣльные звуки, говоритъ онъ, также не служить нашимъ отличительнымъ признакомъ: этой способностью обладаютъ также попугаи и другія птицы... Не только человѣку свойственна способность связывать опредѣленные звуки съ опредѣленными понятіями, и нѣкоторые попугаи, научившись говорить, безошибочно сочетаютъ извѣстныя слова съ вещами и извѣстныхъ лицъ съ событіями“, а потому-де отличіе человѣка, въ связи съ его нѣсколько высшимъ умственнымъ развитіемъ, лишь въ „безконечно сильнѣйшей способности сочетать между собою самые разнообразныя звуки и идеи“ (с. 461). Конечно, теперь легко уже показать данными науки всю несостоятельность и поверхностность этой точки зрѣнія, но сила дѣльности міросозерцанія понинѣ импонируетъ на цѣлые ряды „естествоиспытателей“, не могущихъ выйти изъ-подъ этого гипноза, поднять голову надъ этимъ пережитымъ состояніемъ науки, его прошлымъ. — „Очень характерно для эпохи всеобщаго увлеченія естественными науками стремленіе Шлейхера (—выдающагося представителя сравнительнаго языкознанія 70-хъ годовъ, создавшаго такъ назыв. родословное древо индо-европейскихъ языковъ)—объявить языкознаніе отраслью естествознанія: „Языки являются естественными организмами,

которые возникли независимо отъ человѣческой воли, роста и развивались по опредѣленнымъ законамъ и по законамъ же дряхлѣють и вымираютъ; и имъ присущъ цѣлый рядъ явленій, которыя обыкновенно понимаютъ подъ словомъ жизнь. Поэтому глоттика, наука о языкѣ, оказывается одной изъ естественныхъ наукъ“ (с. 461—2). Допущено въ угоду модной теоріи смѣшеніе гуманитарной науки съ экспериментальной ¹⁾ и слову „жизнь“ придано крайне узкое, тлько органическое, значеніе, болѣе широкая и существенная—психическая, духовная (въ каковомъ смыслѣ и теперь совершенно основательно, даже не метафорически, говорятъ о жизни слова).—„Разумѣется, говорить проф. Погодинъ, при такомъ пониманіи вопросъ о происхожденіи языка долженъ разрѣшаться чрезвычайно просто: „То, что Дарвинъ установилъ для видовъ животныхъ и растеній, примѣнимо, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ къ организмамъ языковъ“... Зоологическіе роды соответствуютъ въ языковѣдѣніи семьямъ языковъ... Отдѣльные языки представляютъ виды рода „потомство одного общаго праязыка, изъ котораго они произошли путемъ постепенныхъ измѣненій“ (с. 462). „То, откуда пошли всѣ языки, представляло собою звуки со значеніемъ, простые звуковые образы для возрѣній, представленій, понятій, которые могли функціонировать во всякомъ примѣненіи, т. е. какъ всякая грамматическая форма“ (ib)—„Языки принимаются, какъ готовое, какъ уже возникшее, и только дальнѣйшее развитіе изъ простѣйшихъ организмовъ представляетъ научный интересъ для Шлейхера“ (с. 463). Исслѣдователи культуры человѣческой, происхожденія цивилизаціи, даже въ лицѣ крупнѣйшихъ представителей—Тейлора и Леббока—также подхвачены были этой могучей волной модной теоріи: „Отъ животнаго къ человѣку тянется непрерывная цѣпь развитія, которая продолжается и далѣе въ предѣлахъ развитія человѣческаго рода отъ дикаря къ современному культурному человѣку“ (с. 466).—„Эволюціонная школа въ исторіи культуры выработала нѣ-

¹⁾ Что отмѣчено было уже Уоллесомъ („Дарвинизмъ“), который указалъ, что теорія Дарвина не способна объяснить намъ происхожденіе ума человѣка и особенно развитіе математическихъ способностей и искусства* (с. 464).

что въ родѣ догмата въ разрѣшеніи вопроса (— о происхожденіи языка): языкъ возникаетъ, учитъ она, изъ междометій и изъ звукоподражанія“¹⁾ (с. 471).

Сюда Гернесъ и Штурцъ относятъ и „общественный шумъ“, какъ выраженія удовольствія совмѣстнаго пребыванія“, чувства общности, солидарности, безопасности и даже радостности“ (какъ то бываетъ въ обществахъ птицъ, животныхъ, иногда и дѣтей). „У человѣка къ этому присоединяется одинаковость содержанія сознанія, какъ бы ни было ничтожно самое это содержаніе“ (с. 472) ср. свѣтскую болтовню, разговоръ для разговора (какъ и чтеніе для чтенія—у гоголевскаго Петрушки); въ облагороженномъ видѣ—это хоръ греческой трагедіи. Разница „общественнаго шума“ у животныхъ и человѣка весьма существенная: „если этой своей совмѣстной возней животныя вызываютъ другъ у друга общія чувства, то человѣкъ создаетъ съ помощью разговора гармонію мысли“ (с. 476) прежде всего.—добавлю у,—самого говорящаго (одинъ прокуроръ—см. выше у Погодина—заявлялъ, что мысль его становится свободной ясной, точной не въ тиши кабинета, а лишь во время произнесенія своихъ рѣчей), такъ какъ люди и говорятъ прежде всего для себя—это существеннѣйшая черта человѣческой рѣчи (старики, которымъ не съ кѣмъ говорить, неустанно что-то шепчутъ).—Рѣшительнымъ противникомъ эволюціонной теоріи выступаетъ Максъ Мюллеръ: „Великая грань между животнымъ и человѣкомъ состоитъ въ языкѣ... Языкъ нашъ Рубиконъ, и ни одинъ звѣрь не посмѣетъ переступить его“ (с. 477). „Каждое слово имѣетъ свою исторію, и начало этой исторіи, которое открываетъ намъ этимологія, выводитъ насъ далеко за предѣлы его перваго появленія въ исторіи“ (с. 480). Однако и онъ не

¹⁾ При чемъ у нѣкоторыхъ (напр. у Феррара) эти термины развернуты широко и указаны ихъ источники. „Громъ производитъ на разныхъ людей различное звуковое впечатлѣніе: одному онъ кажется раскатомъ, другому мгновеннымъ трескучимъ взрывомъ, у третьяго, при раскатѣ грома особенно запечатлѣвается въ сознаніи сопровождающая его молнія. Въ однихъ европ. языкахъ насчитано свыше 350 подражат. словъ для наименованія грома... Въ соловьиномъ пѣньѣ одинъ изслѣдователь насчиталъ 20 колѣвъ: вотъ источникъ разныхъ словъ для названья соловья“ (с. 468).

долга устоялъ на самостоятельной почвѣ: ознакомившись съ эволюціонной теоріей поближе черезъ труды Нуаре, и онъ примкнулъ къ общему хору. Однако неустанная пылливость его ума опять вывела его изъ тины эволюціонизма, и въ болѣе позднихъ трудахъ онъ опять восклицаетъ: „Безъ разума нѣтъ языка и безъ языка нѣтъ разума“.

Гейгеръ видитъ зародыши языка „сначала въ движеніяхъ рта, потомъ вообще въ движеніяхъ, называемыхъ словами, означавшими первоначально мимику рта“ (с. 487), а Нуаре говоритъ, что звукъ рѣчи возникаетъ во время общей работы, какъ выраженіе повышеннаго чувства общности, при частомъ повтореніи является названіемъ этой работы, ея символомъ и наконецъ названіемъ вещей, на которыя переносится работа: „языкъ—дитя воли, а не чувства“ (с. 488).

Пауль—одинъ изъ очень крупныхъ изслѣдователей языка, стоя на эволюціонной точкѣ, настаиваетъ лишь на постепенности законосообразнаго развитія языковъ; поэтому изученіе законовъ современныхъ языковъ откроетъ и происхожденіе языка. Поэтому г. Погодина онъ не удовлетворяетъ: „Пауль очень силенъ, когда онъ стоитъ на почвѣ имѣющагося въ дѣйствительности матеріала, но его основанія довольно шатки, когда ему приходится обращаться въ область гипотезъ, затрагивающихъ область психологическихъ отношеній“ (с. 519). Въ этомъ отношеніи онъ далеко выше ставитъ антропологическія соображенія о языкѣ Габелентца: „Руки, освобожденныя отъ хожденія получили возможность жестикулировать... и человѣкъ получилъ возможность работать руками... и въ то же время ртомъ говорить, пѣть, смѣяться, кричать (межъ тѣмъ даже обезьяна на это не способна... только слонъ, котораго индусы называютъ обладателемъ руки. Не этимъ-ли объясняется и умъ этого толстокожаго)... Несомнѣнное преимущество человѣка, что время его спариванія не ограничено извѣстнымъ періодомъ года“ (с. 527). Анри пошелъ еще дальше, заявивъ, что „проблема происхожденія языка не относится къ лингвистикѣ, но является однимъ изъ вопросовъ психофизиологій: языкъ не дѣло человѣка, но представляетъ продуктъ природы“ (с. 531). И, на мой взглядъ, онъ совершенно правъ, такъ какъ послѣдователенъ: если языкъ не дѣло духа человѣческаго, если его происхожденіе почему-либо уже связано съ животнымъ со-

стояніемъ, то вопросъ о происхожденіи языка и долженъ быть разрѣшенъ въ этой области животнаго состоянія. „Онъ начинается съ рефлекторнаго крика, останавливаясь не психологіи птичьяго пѣнія. Этотъ бессознательный, непріозвольный крикъ представляетъ собою лишь разряженіе энергіи, подобно рѣчамъ безумно болтающаго, пьянаго или крикамъ ведомаго на казнь, вовсе не рассчитывающаго своей мольбой смягчить своихъ палачей, или стомамъ человѣка, кричащаго отъ внезапнаго страха, или кудахтанью курицы и т. п. Все это составляетъ одинъ разрядъ явленій и относится исключительно къ области фізіологіи“ (с. 532). Еще глубже въ область фізіологіи спустился для разысканія корней языка Скоттъ: Есть два рода движеній тѣла—для сохраненія жизни (свойств. и простѣйшимъ организмъ и для выраженія и сообщенія (первоначально для показанія другимъ присутствія жизни, въ родѣ оскаливанія зубовъ, выпучиванія глазъ, сжиманія губъ въ нерѣшимости, подниманія плечами при сомнѣніи и проч.), вообще жестикуляція, мимика, гримасы и наконецъ самая рѣчь. „Въ конечномъ изслѣдованіи выразительныя движенія восходятъ къ жизнехраняющимъ“, но уже не для изолированнаго индивидуума, но какъ функціи сохраненія общества, предполагающія въ человѣкѣ соціальныи инстинктъ. „Рѣчь произошла изъ дыханія, изъ движеній мускуловъ грудной кѣтки и діафрагмы. ...Присущее человѣку дыханіе легкими вызываетъ естественный характерный звукъ. Въ началѣ человѣческой жизни звукъ нормальнаго дыханія служилъ, несомнѣнно, познавательнымъ актомъ. Онъ обнаруживалъ присутствіе и въ нѣкот. случаяхъ, вѣроятно, тожество лица, производившаго его. Нѣтъ никакой необходимости представлять себѣ этотъ звукъ громкимъ. Слухъ первобытнаго человѣка былъ гораздо острѣе нашего... Даже для насъ, надѣленныхъ тупыми чувствами, слабые шумы связываются въ минуты сильнаго напряженія съ особен. значеніемъ“ (с. 537). Измѣненія въ характерѣ дыханія и въ громкости звуковъ м. служить выраженіемъ физическихъ условій или соціальнаго положенія и сообщать другимъ о наличности такихъ условій или положеній, гл. обр. матери с ребенкомъ и обратно“ (с. 537—8). Итакъ, къ коллекціи первоосновъ языка (междометія, звукоподражанія, сопровождающіе крики) присоединилось еще

дыханіе (какъ средство общенія и познанія), и мнѣ думается (вопреки Погодину), что это еще ближе къ рѣшенію вопроса, но конечно не психики, а физиологич. происхожденія „языка“— звука бессмысленнаго, животнаго. Наиболѣе вниманія слѣдуетъ удѣлить „настоящей“ эволюціонной теоріи Вундта (представляющей критическій обзоръ и отрицаніе всѣхъ предыдущихъ теорій— изобрѣтенія, подражанія, естественныхъ звуковъ и чудеснаго откровенія) коимъ „чужда основная мысль настоящей эволюц. теоріи“. Онъ цытается отдѣлить всякое другое развитіе въ мірѣ существъ отъ фактическаго развитія языка, каковое вмѣстѣ съ тѣми особенностями „человѣческаго сознанія, которыя представляютъ это послѣднее на самыхъ низшихъ ступеняхъ, непосредственно доступныхъ нашему наблюденію“ (с. 538), и должно быть положено въ основаніе изслѣдованій языка (хотя это близко къ ученію Пауля и, конечно, не удовлетворяетъ проф. Погодина). Вопросъ, что раньше—разумъ или мысль, или наоборотъ, Вундъ приравниваетъ къ вопросу о томъ, что раньше яйцо или курица, и отвѣчаетъ: „Человѣчскій языкъ и человѣческое мышленіе всегда и повсюду развиваются одновременно... Съ того мгновенія, какъ появляется языкъ, онъ служитъ объективной мѣрой для обнаруживающагося въ немъ мышленія, но онъ является таковымъ лишь потому, что самъ оказывается интегрирующимъ составнымъ элементомъ функцій мышленія“ (с. 539). Оба эти явленія—продуктъ развитія, эволюціи, всякая новая стадія подготавливается предыдущими, „поэтому не представляется абсолютной граница между языкомъ и естественнымъ (первобытнымъ) состояніемъ, лишеннымъ языка... И тѣмъ не менѣе, для насъ существуетъ пропасть между сознаніемъ даже самой низшей человѣческой расы и сознаніемъ совершеннѣйшаго животнаго, и мы не въ состояніи заполнить эту пропасть никакимъ непосредственнымъ наблюденіемъ“ (с. 539), хотя первичныя стадіи подготовлены еще въ животномъ состояніи, и въ этомъ Вундтъ соблюдаетъ эволюціонную теорію, уже понимая ее по-новому, по своему, видя ея крупные дефекты. „Существеннымъ моментомъ въ первонач. языковомъ выраженіи является не самый звукъ, но звуковой жестъ, движеніе органовъ артикуляціи, которое подобно всѣмъ другимъ жестамъ, имѣетъ отчасти указательный, отчасти изобразит. характеръ, и которое, со-

провождая жестикуляцію рукъ и др. частей тѣла, присоединяется въ сущности, къ совокупному выраженію чувствъ и представлений, какъ особый видъ мимическихъ движеній“ (с. 540). „Звуковой языкъ развился первонач. вмѣстѣ съ языкомъ жестовъ и при его содѣйствіи и обособился отъ этого послѣдняго и приобрѣлъ самостоятельность лишь мало-по-малу, подъ вліяніемъ долгаго совмѣстнаго существованія... Однако прочнаго, не допускающаго никакихъ недоразумѣній соотношенія между звукомъ и значеніемъ никогда не существовало... Исходный пунктъ повсюду не звукоподражаніе, а звуковой жестъ. *Говорящее лицо приспособляетъ свои собственные артикуляціонныя движенія къ тому впечатлѣнію, которое производитъ на него предметъ.* При этомъ оказываетъ дѣятельное участіе и обычная жестикуляція. *Разъ возникнувъ, значеніе звука остается уже прочно, если даже выпадаетъ сопровождающіи его жестъ и если даже звуковой жестъ и звукъ утратили свое первоначальное средство съ предметомъ.* И именно тогда нерѣдко случается, что подъ вліяніемъ впечатлѣнія возникаетъ стремленіе придать звуковому движенію новое родство съ тѣмъ, что оно выражаетъ: такъ возникаютъ разнообразныя явленія вторичнаго звукоподражанія. Т. о., не случай создалъ языковой звукъ, но этотъ послѣдній б. опредѣленъ сопровождающими мимическими и пантомимич. движеніями, относившимися къ тому, что звукъ означаетъ“ (с. 571-я) Это ученіе, если подставить на мѣсто соотвѣтствующіе термины, близко къ взглядамъ Потебни: слово образное, съ живою этимологіей, скажемъ „удавъ“ (= „звуковой жестъ“, связанный съ наблюденіемъ „удавленія“ этимъ существомъ другого и воспроизведенный мимически со звукомъ—словомъ) ярко иллюстрируетъ всю эту картину привязыванія къ слову его значенія, и конечно дальнѣйшіе пути „вторичнаго звукоподражанія“ (человѣкъ, какъ удавъ, задушилъ на глазахъ наблюдателя другое существо, значить и къ нему примѣняется тотъ же „звуковой жестъ—звукъ—слово: „человѣкъ=удавъ“). Однако проф. Погодина и такая постановка вопроса не удовлетворяетъ: „Вундтъ совсѣмъ устраняетъ изъ своего разсмотрѣнія вопросъ о томъ... какой же уровень психическаго развитія долженъ предшествовать возникновенію языка... Онъ слишкомъ мало знакомъ съ литературой этого вопроса... вся сложность и глубина этой проблемы какъ-то не

представилась ему во всемъ своемъ значеніи. Вслѣдствіе этого остается неяснымъ, какія же все-таки психологическія особенности человѣка дали ему возможность достигнуть того, что оказалось недостижимо для всѣхъ остальныхъ животныхъ, почему „звуковой жестъ“ у человѣка повелъ къ возникновенію рѣчи, а у животнаго не далъ такихъ результатовъ“ (с. 542—3), т. е. почему онъ не придержался стараго, цѣльнаго эволюціоннаго, въ дарвиновскомъ смыслѣ, взгляда, захватывающаго міръ во всемъ объемѣ,—отъ чего Вундтъ совершенно основательно и сознательно отказался въ своихъ основоположеніяхъ. Отсюда укоры Вундту за непониманіе „историко-культурнаго“ вопроса о происхожденіи языка, за пренебреженіе къ „инстинктивнымъ пониманіямъ тона“ (въ половомъ состояніи, у глухонѣмыхъ и нормальнаго), доступнымъ и животнымъ.—Въ заключеніе этого обширнаго и цѣннаго по обилію матеріала историческаго обзора взглядовъ на сущность языка всего культурнаго человѣчества на протяженіи вѣковъ, г. Погодинъ приводитъ мнѣніе русскаго ученаго проф. Д. Н. Кудрявскаго, находящееся „въ согласіи съ требованіями современнаго языкознанія“ (с. 549). „Выяснить условія происхожденія языка, говоритъ проф. Кудрявскій, мы можемъ только однимъ путемъ: намъ необходимо разсмотрѣть, въ какихъ условіяхъ живетъ и развивается языкъ въ н. время, каковы были эти условія въ прошломъ, и этими данными освѣтить недоступное исторіи время возникновенія языка... Разсматривая эти условія, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ наблюдаются не только у человѣка, но и у животныхъ. Явленія человѣческаго языка представляютъ высшую ступень развитія тѣхъ зачатковъ, которыя мы наблюдаемъ и у другихъ животныхъ. Въ такихъ случаяхъ намъ необходимо выяснитъ, въ какомъ направленіи шло развитіе этихъ зачатковъ, „чѣмъ отличается отъ нихъ достигнутая человѣкомъ высшая ступень“ (с. 544). „Звуковая сторона рѣчи, заключающаяся въ своихъ первоосновахъ въ естественныхъ звукахъ человѣка и животнаго, извѣстная психическая подготовка, принадлежащая человѣку, какъ одному изъ существъ въ общей цѣпи животныхъ организмовъ, спеціально человѣческія способности и общія всѣмъ языкамъ, какъ таковымъ, особенности... вотъ вопросы, признаваемые соврем. наукой наиболѣе настоящими для

разрѣшенія кардинальной проблемы“ (с. 544). У Кудрявскаго между животнымъ и человѣкомъ пропасти нѣтъ: „хотя у животныхъ инстинктивное пользованіе звуками преобладаетъ надъ сознательнымъ, а у человѣка наоборотъ, разумное пользованіе имѣетъ перевѣсъ надъ инстинктивнымъ, тѣмъ не менѣе существ. разницы здѣсь нѣтъ: разница только количественная“ (с. 545). Проф. Погодинъ вполне съ этимъ согласенъ, хотя это самая слабая сторона работы Кудрявскаго, т. к. инстинктивнаго разума и сознательнаго инстинкта, конечно, быть не можетъ, и это и есть непреходимая пропасть на пути отъ животнаго къ человѣку. „Особенное значеніе для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка проф. Кудрявскій приписываетъ междометіямъ... Если мы рассмотримъ разницу между нечленораздѣльнымъ междометіемъ и словомъ, то мы можемъ уяснить себѣ, какія условія необходимы были для созданія членораздѣльнаго человѣческаго слова. . Междометія—стадія пользованія звукомъ, которая предшествовала созданію языка, и *моментъ возникновенія языка мы можемъ опредѣлить, какъ переходъ отъ междометія къ слову...* Языкъ возникаетъ тогда, когда появляется сопоставленіе представленій и соответствующихъ имъ словъ“ (с. 575). На этой теоріи, какъ наиболѣе удовлетворяющей г. Погодина и „современное“ языковѣднѣе и потому подготовляющей почву для его собственнаго сужденія о проблемѣ языка, чему посвящена послѣдняя глава его труда,—я оставлюсь нѣсколько подробнѣе.

Признавая несостоятельными новыя теоріи происхожденія языка—звукоподражательную и междометную—т. к. онѣ м. объяснить лишь происхожденіе небольшого количества словъ (—неужели только поэтому онѣ не состоятельны?!—), Кудрявскій намѣчаетъ, что сущность вопроса сводится къ опредѣленію связи между звукомъ и значеніемъ, каковая предполагается данной отъ природы, и находитъ ее „произвольной“ (я бы ужъ говорилъ: „свободной“ что ли, не фиксированной, не закрѣпленной разъ навсегда). Конечно этотъ вопросъ о происхожденіи м. б. относимъ лишь къ человѣческому языку вообще, но не къ к.-л. отдѣльному, напр. французскому (въ этомъ послѣднемъ будетъ итти рѣчь о преимуществахъ формъ). Очень существенно (среди этихъ малоцѣнныхъ и слутаныхъ замѣчаній К—го) одно (не отмѣ-

ченное проф. Погодинымъ): „Вопросъ ставится о происхожденіи способности человѣка къ рѣчи, а отвѣтитъ стараются на вопросъ о звуковой формѣ первоначальнаго языка“ (Кудр. с. 115). Грѣшитъ этимъ и проф. Погодинъ, смѣшивая эти совершенно разнородныя вещи. Тѣмъ болѣе, что у естествознанія нѣтъ такихъ критеріевъ, которые давали бы возможность провести границу между звуками, издаваемыми животнымъ, и человѣч. языкомъ. Эта грань м. б. проведена только языкознаніемъ: выясненіе существенныхъ признаковъ человѣческаго языка одно только м. дать возможность опредѣлить моментъ перехода звука животныхъ въ человѣческій языкъ“ (Кудр. с. 116-я). „Сознательное (—я бы опять предложилъ— „повторное“, вызванное не непосредственнымъ чувствомъ, а воспоминаніемъ, памятью, этой высшей ступеню „сознанія“,—если только этотъ терминъ, безъ грубаго смѣшенія понятій, допустимъ для міра животныхъ) употребленіе звуковъ животными я назвалъ бы нѣкоторымъ подобіемъ языка. Многие, особенно естествознатели, называютъ это прямо языкомъ животныхъ“ (Кудр., с. 117). „Однако наукѣ всегда слѣдуетъ отказываться отъ тѣхъ терминовъ, которые м. вызывать смѣшеніе понятій... Это названіе м. ввести насъ въ заблужденіе: мы м. подумать, что языкъ животныхъ дѣйствительно представляетъ первобытную стадію языка, что онъ м. объяснить намъ и происхожденіе человѣческаго языка“ (Кудр., с. 117). „Между звуками животныхъ и человѣч. языкомъ все еще существуетъ огромная пропасть... Звуки, издаваемые животными всегда одни и тѣ же у животныхъ одного и того же вида. Животныя не выучиваются своему языку, между тѣмъ какъ человѣческій языкъ безъ изученія не м. б. понять“ (с. 118).—*Чего же не хватаетъ попугаю* (—о „сознательномъ“ яко бы языкѣ, котораго такъ много распространяется Дарвинъ въ „Происхожденіи человѣка“—) *для пониманія человѣческой рѣчи? Онъ не усваиваетъ и не можетъ усвоить того расчлененія человѣческой рѣчи, которое является существеннымъ признакомъ человѣческой рѣчи*“ (Кудр. с. 120). Но проф. Кудрявскій и въ вопросѣ о „сознательности“ животныхъ и о „членораздѣльности“ въ ихъ языкѣ все какъ-то сбивается съ тона: „огромная пропасть“ (см. выше) между человѣкомъ и животнымъ какъ-то сразу исчезаетъ въ угоду „современнымъ“ теченіямъ: „хотя, дѣйствительно, у животныхъ инстинктивное пользованіе зву-

ками преобладаетъ надъ сознательнымъ, а у человѣка наоборотъ.. тѣмъ не менѣе *существенной разницы здѣсь нѣтъ: разницѣ только количественная*“ (с. 120)... „Звуки человѣческой рѣчи (—и членораздѣльные—) по существу ничѣмъ не отличаются отъ звуковъ животныхъ, и терминъ „членораздѣльные звуки“ не имѣетъ никакой опоры. *И здѣсь разница только количественная: человѣкъ обладаетъ только большимъ разнообразіемъ звуковъ сравнительно со звуками животныхъ*“ (с. 120). Однако смутное сознаніе, что тутъ что-то неладно, заставляетъ проф. Кудрявскаго ввести новый терминъ для различенія рѣчи животной и человѣческой въ видѣ „членораздѣльности выраженія мысли“, которая восстанавливаетъ опять между ними пропасть. „Человѣческая рѣчь отличается отъ звуковъ животныхъ своею *расчлененностью*; она всегда обозначаетъ впечатлѣніе, представленіе или мысль, разлагая ихъ при этомъ на составныя части... Этого именно и не могутъ понять въ человѣческой рѣчи животныя“ (с. 121-я). „Каждое слово является въ то же время частью рѣчи, иными словами, наша рѣчь является всегда расчлененною на части, анализированною... Человѣческій языкъ, слѣдовательно, отличается отъ звуковъ животныхъ членораздѣльностью выраженія мысли“ (с. 121). „Недостатокъ жеста заключается въ его неспособности къ членораздѣльному выраженію мысли“ (с. 122). А какая же м. б. у жеста звуковая членораздѣльность? Конечно и ею онъ не м. обладать,—значить жестъ —не слово, нѣчто стоящее внѣ человѣческой рѣчи, но и внѣ „языка“ даже высшихъ животныхъ, которыя яко бы обладаютъ „звуковою членораздѣльностью“, а жестомъ не владѣютъ, п. ч. онъ требуетъ все же осмысленности. Проще было бы оставаться при старомъ установленномъ твердо положеніи, что гранью между человѣкомъ и животнымъ, и гранью не переходяемою, качественною, является разумное слово, только черезъ сознаніе, создающее членораздѣльность звуковую (непремѣнно предполагающую въ основаніи своемъ сознательную анализирующую мысль, разбивающую конечный звукъ одного слова и начальный въ слѣдующемъ за нимъ въ длинной слитой вереницѣ звуковъ „первобытныхъ, дикарскихъ“ словъ) постепенно восходящее къ созданію частей рѣчи (явленіе оч. позднее, требующее высокой степени

развитія человѣческаго языка и мысли, которую проф. Кудрявскій называетъ „членораздѣльностью мысли“).

Межъ тѣмъ, къ удивленію, оказывается, что и у *современнаго человека* еще „*есть слова, которыя не обладаютъ членораздѣльностью*“. Это не слова въ собственномъ смыслѣ: мы ихъ называемъ *междометіями*“ (Кудр. с. 122)—стадія „пользованія звукомъ, которая предшествовала созданію языка“ (Кудр. с. 123), который возникаетъ „на переходѣ отъ междометія къ слову“. Отсюда начинается и до конца идетъ самая слабая часть этой *публичной лекціи* ¹⁾.

Самъ же г. Кудрявскій рекомендуетъ выше избѣгать „терминовъ, которые могутъ вызвать смѣшеніе понятій“, а вѣдь для каждаго изъ насъ всякое человѣческое „междометіе“ есть непремѣнно слово, правда т. наз. „*незнаменательное*“, не составляющее въ своемъ основномъ видѣ члена предложенія, непочитаемое иными даже за особую часть рѣчи, но все же *пособное по первому мановенію мысли наполниться любымъ содержаніемъ, занять и самое почетное мѣсто въ предложеніи* (напр. „*невольное ахъ вѣдь и подлежащимъ можетъ быть*“) и стать самою настоящею частью рѣчи, такъ въ приведенномъ примѣрѣ оно—на мѣстѣ и въ значеніи существительнаго. А межъ тѣмъ проф. Кудрявскій пытается увѣрить своихъ слушателей, будто „междометіе и слово отличается совершенно противоположными свойствами“ (ib). Хотя онъ и пытается какъ будто отдѣлать теперешнія междометія отъ такихъ, которыя кажутся ему чѣмъ-то инороднымъ со словами, считая ихъ „*крикомъ души... весь смыслъ коего заключается въ самомъ звукѣ и интонаціи*“ (Кудр. с. 123), однако *vitium* этого дѣленія всплываетъ на поверхность въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. „*Междометіе отличается общепонятностью... но несмотря на свою общепонятность не имѣютъ того, что мы называемъ значеніемъ слова... Очень часто одно и то же междометіе м. имѣть совершенно различныя значенія*—(въ зависимости

¹⁾ Чѣмъ б. м. и объясняется ея „приспособляемость“ ко вкусамъ „толпы“, ея поверхностное отношеніе къ л—рѣ вопроса, ограничивающееся лишь наиболѣе моднымъ, и нѣкоторыя непослѣдовательности—противорѣчія, каковыя, конечно, были бы устранены въ специальномъ научномъ изслѣдованіи. Напрасно только проф. Погодинъ подчеркнулъ „современную научность“ этой замѣтки и ввелъ „*малыхъ сихъ*“ въ искушеніе.

отъ интонаціи, которая въ словѣ будто бы не имѣеть своей силы,—и какъ бы мы ни произносили слова „радость“ и „горе“, они *всегда будутъ намъ гораздо понятнѣе*“ (Кудр. с. 123—4), чѣмъ „общепонятныя“ междометія. Конечно, и человѣкъ можетъ кричать какъ животное, можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и случаяхъ (вопли безумнаго страха, бредовыя рѣчи и т. п.) опуститься до него, и тогда его крики (и даже слова, и даже цѣлыя предложенія) будутъ безсознательны, иногда даже нечленораздѣльны, неосмысленны и неразумны. Но если съ этимъ крикомъ *умышленно, условно*, соединяется постоянно въ его мысли хотя одно опредѣленное значеніе, это уже говорить, даже кричить, не животное. Итакъ, если междометіе „можетъ имѣть совершенно различныя значенія“, такъ значитъ имъ уже какъ знакомъ значенія, какъ полноправнымъ словомъ мысль давно пользуется: успѣла уже его дифференцировать. Съ другой стороны и любое „слово“ (въ смыслѣ г. Кудрявскаго) м. б. на грани междометія; вѣдь разница въ такихъ выраженіяхъ какъ „горе мнѣ грѣшному“ и „увы мнѣ грѣшному“, вообще незначительная, опредѣляется, разумѣется, не тѣмъ, что „горе“— „слово“ и существительное, а „увы“—не слово и „междометіе“. Въ языкѣ, какъ въ жизни, все подвижно ¹⁾. Что до интонаціи, которая будто бы въ „словахъ“ не играетъ,—въ противоположность „междометіямъ“,—никакой роли, то неужели проф. Кудрявскому не приходилось слышать хотя бы слова „радость“ въ такомъ контекстѣ и въ такой интонаціи, что оно съ успѣхомъ могло бы стать даже на мѣсто „горе“.— Совершенно лишены исторической почвы утвержденія проф. Кудрявскаго, будто „междометіе не имѣеть исторіи; форма его до нашихъ дней сохранилась безъ измѣненій отъ самой сѣдой старины“ (с. 124). Рѣчь, повидимому, идетъ не объ отдѣльномъ какомъ-либо (русскомъ, франц. и проч.) языкѣ, а о языкѣ вообще, но гдѣ же встрѣчается, скажемъ, „увы“ (явное междометіе и по Кудрявскому) въ греч., лат., даже нѣмецкомъ, французскомъ языкахъ! Да если бы рѣчь шла и объ одномъ

¹⁾ Сильное волненіе лишаетъ часто рѣчь извѣстныхъ степеней связности—раздѣльности, такъ „караулъ“ (собственно существительное стража, охрана), „пожаръ!“—въ аффектѣ перестаютъ быть членами предложенія, въ крайнемъ случаѣ испуга мы и „междометій“ не выкрикнемъ.

языкъ, согласиться съ такимъ положеніемъ невозможно: я ужь не говорю о звукоподражательныхъ междометіяхъ (вѣдь я могу, положимъ, такъ увлечься соловьинымъ пѣніемъ, что непроизвольно потихонечку начну подражать ему; такъ часто въ церкви услышишь слабый старческій голосокъ, невольно подпѣвающий хору въ наиболѣе умилительныхъ мѣстахъ), которыя, по свидѣтельству исторіи языка, отнюдь не идентично воспроизводятъ свой подлинникъ (что и естественно, т. к. и эти воспроизводящіе звуки все же не инстинктивны), вслѣдствіе чего для звукоподражательныхъ названій напр. соловья и пѣтуха образовались въ однихъ европейскихъ языкахъ сотни словъ); но и множество словъ (существительныхъ, глаголовъ— „пожаръ! караулъ! разбой! рѣжутъ! хватай!“ и т. п.) другихъ разрядовъ при извѣстной степени нарушенія душевнаго спокойствія, равновѣсія, потерявъ связь съ контекстомъ, становятся междометіями. Но особенно на скользкій путь становится проф. Кудрявскій, подымая вопросъ о крайней трудности *правильно прочитатъ* простое „ха-ха-ха“: нужно дѣйствительно засмѣяться, чтобы оно вышло натурально“ (с. 124). Вѣдь „правильно“ и „натурально“—вещи совершенно различныя въ истокѣ: въ воспроизведеніи—(чтеніи выразительномъ, игрѣ актера и т. п.), живой рѣчи мы не разъ натолкнемся на такіе случаи, что самая натуральная передача междометія будетъ совершенно неправильной: изображается, положимъ, типъ фальшиваго, лицемѣрнаго притворщика, хитреца, старающагося всячески поддѣлываться къ обстоятельствамъ и лицамъ, или скрытнаго, закоренѣлаго преступника; его „ха-ха-ха“ натуральнымъ можетъ явиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и плохъ же будетъ актеръ, который всюду будетъ натурально хохотать, изображая такой типъ). Слѣдовательно, нельзя утверждать, что „душевное движеніе каждый разъ творитъ междометіе снова“ и что „тутъ некогда что-нибудь вспоминать“ (Кудр., с. 129),—часто приходится и надъ междометіемъ призадуматься, какъ его прочесть, и именно не дать воли душевному движенію, и кое-что припомнить и сообразить... Въ контекстѣ, въ предложеніи, въ синтаксисѣ именно наиболѣе ярко улавливается все многообразіе человѣческой личности, ея многогранной индивидуальности, внезапно являющейся намъ совершенно по-своему; потому-то за синтаксическія изслѣдованія и слѣдуетъ

браться лишь со значительной философской подготовкой, (а не естественно-исторической) ¹⁾ помимо, конечно, всей широты специальных знаний (куда частично входит и естествознание). Эта мощь строения рѣчи своеобразно признается и проф. Кудрявскимъ: „Мы не можемъ придумать ни одного слова, которое бы уже своею формою не указывало на свою роль въ предложеніи“ (с. 130-я), что я бы предложилъ перефразировать такъ: „всякая форма слова постигается—(выясняется) лишь въ предложеніи“. А то вѣдь, по Кудрявскому, напр. слово „стекло“ должно быть, повидимому, только подлежащимъ, что ли? Межъ тѣмъ эта же самая звуковая форма слова по мановенію нашей воли и разума можетъ сыграть въ предложеніи далеко не одну роль („стекло разбилось“—подлеж. „я разбилъ *стекло*“—доп., „вода—*стекло* наполняла прудъ“—опред. — приложеніе; „масло *стекло* по бутылкѣ на столъ—сказуемое и проч.); равно какъ и „отвлеченность“ слова,—которую, опять—таки понимая слишкомъ своеобразно и односторонне ²⁾, проф. Кудрявскій считаетъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ всякаго слова,—въ полной зависимости отъ разумной воли человѣка. Неужели „пѣтухъ“ и гоголевскій „Петръ Петровичъ Пѣтухъ“ кажутся профессору словами одинаковаго объема, или еще „яблоко“ (фруктъ) и „яблоко глазное“, и еще „льетъ *воду* изъ ведра“ и „льетъ *воду* языкомъ,“—(пустяки болтаеть)—развѣ это слова одного порядка? Правда проф. К. оговаривается, что у слова есть еще одно существенное свойство—гибкость, на которой-де основана легкость перенесенія, перехода отъ одного отвлеченнаго все же значенія слова къ другому такому же.

¹⁾ Позволяющей дѣлать такія обобщенія, что—де „безъ вертикальнаго положенія едва ли возможенъ языкъ человѣка“ (Кудряв. с. 132), т. к. среди животныхъ птицы обладаютъ лучшими голосовыми средствами.

²⁾ „Невозможенъ такой языкъ, который бы отдѣльными словами обозначалъ отдѣльныя явленія; никакая человѣческая память не могла бы вмѣстить такого безконечнаго количества словъ; да и нѣтъ такой головы, которая могла бы изобрѣсти такое количество названій“ (Кудряв. с. 125). А исторія языка именно и говоритъ, что на раннихъ ступеняхъ для каждой, скажемъ, лошади было свое названіе, по-нашему отнюдь не отвлеченное, а образное—по признаку, бросившемуся сразу въ глаза въ этомъ предметѣ, и лишь упорной работой мысли создавалось объединеніе однороднаго, складывалось понятіе.

Но вѣдь отвлеченное значеніе слова даетъ *понятіе* о предметѣ, а вѣдь чѣмъ шире объемъ его, тѣмъ уже само понятіе, его содержаніе; значитъ, пользуясь исключительно этимъ путемъ, мысль все болѣе связывала бы себя, сужала. Это тяжелая артиллерія—а для быстрой, подвижной мысли нужно легкое орудіе, каковымъ и является „образность“—перекидываніе легкаго мостика, въ одну былинку—частный признакъ, случайно подмѣченное сходство.—къ другому „понятію“, и потомъ постепенное созданіе особаго цѣлаго на этой базѣ, способнаго опять таки во всякій мигъ перекинуть мостъ къ любому изъ сосѣдей. Въ этой смѣнѣ образнаго (конкретнаго, художественнаго) и безобразнаго (прозаическаго, отвлеченнаго, научнаго) приемовъ мысли—вся жизнь человѣческой рѣчи ¹⁾. Къ сожалѣнію, это не уловлено проф. Кудрявскимъ да еще пущено въ такомъ видѣ въ широкой оборотъ (черезъ „Русскую Мысль“). Въ заключеніе отмѣчу еще разъ цѣнное замѣчаніе проф. Кудрявскаго, могущее предотвратить тѣхъ, кто задумается надъ этимъ, отъ ложнаго пути, на что уже много попусту потрачено силъ: *Новѣйшія теории въ поискахъ происхожденія языка* (междометная и звукоподражательная) „неправильно ставятъ вопросъ и потому даютъ отвѣтъ не на вопросъ о происхожденіи языка, а на вопросъ о звуковой формѣ первоначальнаго языка“ (с. 13²).

— Этого существеннаго указанія не примѣтилъ и проф. Погодинъ, и потому, какъ увидимъ изъ послѣдней главы его труда: „*Происхожденіе языка. Языкъ и ритмъ*“, и самъ не отошелъ далеко отъ такой неправильной постановки вопроса.

Еще заключая предыдущую главу, проф. Погодинъ говоритъ: „Въ совокупности своей эта обширная литература выяснила всѣ точки зрѣнія, которыя необходимо принять при разрѣшеніи рассматриваемой проблемы, и если я постараюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи представить нѣсколько своихъ соображеній

¹⁾ Обычно и въ сложныхъ твореніяхъ духа человѣческаго образное предшествуетъ отвлеченному, искусство—наукѣ: Жюль—Вернь открылъ полетомъ своей фантазіи подводную лодку задолго до ея осуществленія наукой: „безконечная желѣзная дорога“, лишь нынѣшнимъ лѣтомъ устраиваемая впервые на международной выставкѣ въ Лейпцигѣ, лѣтъ 20 тому назадъ описана въ одномъ изъ романовъ Уэльса и т. д.

по этому вопросу, то все же, я полагаю, что при настоящемъ уровнѣ знаній возможно лишь дальнѣйшее слѣдованіе по уже протореннымъ путямъ, и не представляется никакой надобности въ проложеніи совершенно новыхъ — (т. е. настала или настаетъ какая-то мертвая точка; а вѣдь путь настоящей эволюціи именно неустанное исканіе развитія, движенія впередъ) — „Какъ мнѣ кажется, и теорія звукоподражанія, и теорія междометія и теорія сопроводительнаго крика — всѣ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя здоровыя зерна, которыя д. б. взрощены наукой“ (с. 545). „Не эклектизмъ, но критическое изученіе л-ры предмета привело меня къ убѣжденію что *на первыхъ стадіяхъ развитія рѣчи, какъ и въ н. время, участвовали въ созданіи словиря* — (т. е. звуковыхъ элементовъ языка) нынѣ, можно сказать, почти законченныхъ у культурнаго человѣка, всѣ эти процессы“ (ib). — „Никакъ нельзя оставить безъ вниманія и тѣ особенности человѣческаго строенія, которыя давали человѣку возможность свободно дышать при ходьбѣ, свободно пользоваться своими верхними конечностями для всяческаго труда, которыя, далѣе, оставляли его ротъ свободнымъ, т. к. онъ не д. б. питаться въ продолженіе цѣлаго дня, какъ жвачное животное“ (т. е. все область чистой физиологін!). — „И, наконецъ, человѣкъ д. б. принять изслѣдователемъ началъ рѣчи, какъ существо поющее, подвижное, стремящееся къ общенію съ ему подобными“ (с. 546), не добавлено „духовному“, ergo, и здѣсь лишь область низшей психики, психики животнаго, и выше этого даже „прокладывать новыхъ путей не слѣдуетъ“; не признано даже сравнительно скромное заявленіе проф. Кудрявскаго объ отдѣленіи происхожденія звуковой формы отъ вопроса о происхожденіи языка.

Однако, начало послѣдней главы какъ будто уже иначе представляетъ дѣло: „Первобытнаго, еще не говорящаго человѣка мы должны представлять себѣ существомъ, ушедшимъ уже довольно далеко въ своемъ умственномъ развитіи отъ современныхъ намъ высшихъ животныхъ“ (с. 546-я). Какими же „ногами“ онъ „уходилъ“ отъ животныхъ, не владѣя рѣчью — разумомъ — этимъ единственнымъ болѣе совершеннымъ, не имѣющимся у животныхъ орудіемъ быстроты умственнаго хода? — А нѣсколькими строками ниже — опять нѣчто противорѣчащее предыдущему: „Какъ бы мы ни толковали пути,

по которому шло развитіе „антропитека“ въ направленіи къ человѣку, все-таки исторію человѣческой культуры намъ приходится начинать съ предположенія того существа, которое стоитъ уже несоизмѣримо выше обезьяны—(т. е. какъ будто съ несостоятельности Дарвиновской теоріи).— „*Безъ языка* (а раньше именно рѣчь о человѣкѣ безъ языка) *невозможно ни логическое мышленіе, ни образованіе понятій* (т. е. именно то, откуда начинается человѣкъ и гдѣ кончается животное),— но чрезвычайная сила и яркость образовъ, развитая эмоціональная сторона духовной жизни, способность къ ассоціаціямъ образовъ, превосходящая все то, что мы знаемъ по этой части у животныхъ: все это слѣдуетъ предположить уже у первобытнаго человѣка“ (с. 546). А межъ тѣмъ мы знаемъ, что слонъ обладаетъ неизмѣримо большей памятью (т. е. ассоціаціей образовъ), чѣмъ человѣкъ, а лошади д-ра Кралла въ „математикѣ“ оказываются куда сильнѣе своего учителя. Какой-то безвыходный кругъ получился отъ такой постановки дѣла. И такъ и далѣе; тутъ на нѣсколькихъ страницахъ колебанія и переходы отъ животнаго къ человѣку и обратно: получилось неустойчивое равновѣсіе. „Способность и стремленіе издавать звуки д. были принадлежать первобытному человѣку задолго до того, какъ онъ приобрѣлъ рѣчь—(я бы ужъ избѣгалъ здѣсь слова человѣкъ или хотя ставить его въ кавычкахъ во избѣжаніе смѣшенія различныхъ понятій).—Сырой матеріаль языкъ д. б. накопиться ранѣе возникновенія сознательнаго языка“ (с. 547), въ видѣ произвольныхъ восклицаній (= „междометіямъ“ Кудрявскаго), пѣній, звукоподражаній и наконецъ всевозможныхъ упражненій звукопроизводящихъ органовъ (прищелкиваній, прищмокиваній, всасываній губами,—подобно младенцамъ, и т. п. неартикулированныхъ звуковъ). *Все это м. б. и было унаследовано человекомъ отъ животныхъ предковъ, но создало языкъ уже человечество*“ (с. 548)... „Общечеловѣческимъ м. б. признанъ только языкъ, состоящій изъ словъ—предложеній. Выдѣленіе же изъ этого предложенія отдѣльныхъ словъ произошло уже на почвѣ дальнѣйшаго, не общечеловѣческаго развитія“ (с. 548). Это—пониманіе двухъ, идущихъ непрерывно послѣдовательно одна за другой, стадій развитія уже настоящаго человѣческаго языка, за нѣчто

совершенно разнородное. Вѣдь, поскольку позволяетъ намъ заглянуть въ эти глубины - старины языка его исторія, древнѣйшія слова были чѣмъ-то, напоминающимъ отчасти наши причастныя формы, т. е. содержащимъ въ скрытомъ видѣ въ себѣ и подлежащее и сказуемое (мушакъ=ворующее=мышь); такія слова, сочетаясь парами, дополняли и выясняли взаимно другъ друга (скажемъ въ родѣ „свѣтящее,—блестящее,—мѣряющее“ могли готовить слово мѣсяць) (измѣритель, ср. mensis, mensura), а въ сравнительно позднюю пору и предложеніе нашего типа „мѣсяць свѣтитъ (блеститъ)“.

— „Т. о. я считалъ бы правильнымъ выставить такое положеніе: *человѣчскій языкъ возникъ въ одномъ мѣстѣ, въ одной группѣ людей, на основаніи инстинкта, присущаго человѣческому существу* (—лучше бы: „особой, заложенной въ немъ искони, потребности“, чтобы избѣгать этого туманнаго слова: о существованіи инстинкта и у животныхъ, вѣдь, еще спорять, настолько сущность его не выяснена—), *но то, что возникло здѣсь, еще не представляло языка въ нашемъ смыслѣ*“ (с. 548).— „Это были только зародыши будущей рѣчи, заключавшіеся въ ритмическихъ, пѣвучихъ сочетаніяхъ слабо артикулированныхъ звуковъ, сочетаніяхъ, которыя уже связывались съ извѣстными эмоціональными значеніями... Образамъ почти всегда соотвѣтствуетъ извѣстная эмоціональная окраска. Вслѣдствіе этого, звуковыя сочетанія ассоціировались и съ образами, и слово *получило свое первоначальное образное значеніе*“ (с. 549)... „Эмоціи, давшія толчекъ развитію языка, д. б. обладать характеромъ обычныхъ переживаній, привычныхъ радостей и печалей. Не эмоціи, вызвавшія крикъ, но эмоціи сопровождавшія дѣйствія, связанныя вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ съ криками или пѣснями, или пѣвучимъ ритмическимъ речитативомъ,—вотъ первоисточникъ человѣческой рѣчи“ (с. 549)... „Человѣкъ, не только поющій свою рѣчь, но и сопровождающій ее инстинктивными спутниками эмоціи—мимикой и жестикуляціей — вотъ тотъ образъ, который рисуется мнѣ, какъ носитель первобытнаго языка. Пониманіе тона и жеста предшествуетъ пониманію словъ, и съ другой стороны, при утратѣ словесныхъ образовъ внутренней рѣчи, сохраняется способность понимать тонъ, ритмъ, мимику и жестъ. Слѣдовательно, эти средства предшествуютъ

возникновенію языка“ (с. 549) ¹⁾.— „Но особенно важное значеніе слѣдуетъ приписать ритму... лежащему въ натурѣ человека... Впавъ въ опредѣленный ритмъ, очень трудно отдѣлаться отъ него... Пѣсней м. б. ритмическое повтореніе извѣстныхъ слабоартикулированныхъ звуковыхъ сочетаній“ (с. 549—550).— „Автоматическія движенія, которыя сопровождаютъ выполненіе различныхъ формъ труда (а равно и веселья, пляски), составляютъ его ритмъ. И такой ритмъ работы вызываетъ ритмъ произвольныхъ восклицаній, сопровождающихъ усиліе. Рабочія пѣсни въ своей простѣйшей формѣ представляютъ ритмъ восклицаній, соответствующій ритму работы“ (с. 551), „Безмысленныя слова, очевидно, не играютъ здѣсь большой роли; ихъ значеніе отступаетъ на задній планъ передъ мелодіей, передъ ритмомъ пѣсни... Отъ нечленораздѣльныхъ сочетаній слабо артикулированныхъ звуковъ, которыя своимъ ритмомъ передаютъ ритмъ работы“ пѣсня восходитъ къ такимъ, „которыя также соблюдая ритмъ работы, даютъ ея описаніе въ словахъ“ (с. 552).

„Усилія при ритмической работѣ вызвали ритмическій же рядъ восклицаній, который ассоціировался съ чувствомъ вызываемымъ этой работой, и съ представленіями ея, такъ что въ концѣ концовъ совокупность образовъ, связанныхъ съ работой, связалась въ индивидуальномъ сознаніи съ совокупностью извѣстныхъ звуковыхъ (слуховыхъ) и двигательныхъ образовъ. Первая т. о. превратилась въ значеніе послѣдней“ (с. 552). Это впервые удавалось, конечно, наиболѣе развитому въ группѣ и благодаря его авторитету такое сочетаніе укрѣплялось въ сознаніи этой группы. Каждое лицо въ группѣ „могло связывать съ звуковымъ сочетаніемъ свой образъ предмета и свое чувство, но связь между звуками и вещами была установлена, и такъ возникъ первоначальный языкъ“ (с. 552).

Къ этимъ послѣднимъ 6 строкамъ можно всецѣло присоединиться: это очень близко къ наблюденіямъ Потемни. Но вѣдь это уже продуктъ сознательной работы, вліянія разумной личности, б. м. и случайно напавшей на такое сочетаніе, и сумѣвшей зажечь въ другихъ пониманіе своей на-

¹⁾ Проф. Погодинъ почему-то упускаетъ изъ виду курсъ языковѣднія проф. Томсона, гдѣ многіе изъ этихъ вопросовъ трактуются глубоко.

ходки. Конечно здѣсь представленъ одинъ случай—подъ воздействиемъ ритмической работы—возникновенія такой прочной связи между звукомъ и значеніемъ. Разумѣется, такихъ случаевъ м. б. сколько угодно, и *„какими бы путями и при какихъ бы обстоятельствахъ ни совершалось внушеніе значеній окружающимъ, все это создавало языкъ. И ритмъ работы, и восклицаніе радости, и звукоподражаніе, переданное однимъ лицомъ другимъ, становилось зародышами языка. его первыми словами“* (с. 553).

Длительный путь подготавливалъ всякое новое значеніе, новое пониманіе словъ, а рождалось оно въ мысли наиболѣе талантливаго изъ ряда подготавливавшихъ моментально.— Каково же было это первобытное слово? — *„Совокупность представленій, связанныхъ съ чувствомъ, была первымъ значеніемъ тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя д. были удовлетворить это чувство“* (с. 554). Къ сожалѣнію, неясно сформулировано въ существѣ вѣрное положеніе; здѣсь прекрасно подходитъ замѣчаніе проф. Кудрявскаго о нерасчленности (*„нечленораздѣльности“*) мысли на раннихъ ступеняхъ ея развитія. Вѣдь орудіе для такого расчлененія—слово (въ сочетаніяхъ съ другими) было еще не совершенно, *„первобытно“*. *„И потому именно передъ нами не глаголь, не имя, но по своему значенію цѣлое предложеніе (— въ видѣ одного слова—). Лишь съ разложеніемъ этого послѣдняго на части, разложеніемъ, которое д. было выдѣлить отдѣльныя представленія изъ ихъ первоначальной совокупности, могли выдѣлить отдѣльныя представленія о вещахъ и дѣйствіяхъ. Языкъ начинается съ синтеза, который не знаетъ ни именъ, ни глаголовъ“* (с. 554). Такъ прекрасно заканчиваетъ свое изслѣдованіе проф. Погодинъ, но, къ сожалѣнію, какъ разъ у того предѣла, откуда именно и открывается полная и блестящая возможность показать всю мощь творчества, всю созидательную силу слова—этого великаго дара человѣку.

Вотъ она. Вслушаемся въ любой народный говоръ тѣмъ чуткимъ ухомъ, какимъ вслушивается слѣпой въ шумы, въ тихіе, почти неуловимые звуки, шелесты, дыханія природы, которыя открываютъ ему разнообразіе и величіе природы. и мы даже въ звуковомъ составѣ современнаго языка (уже

очень развитого, въ которомъ вообще фонетическія измѣненія и усовершенствованія пошли на убыль, сошли почти на нѣтъ) подмѣтимъ удивительное индивидуальное разнообразіе отгѣнковъ произношенія (цвѣтокъ—твятокъ—квитка), ведущее порою даже въ извѣстныхъ мѣстностяхъ къ разрыву смысловой связи между этой звуковой формой и предметомъ, ею обозначаемымъ, и открывающее возможность примѣненія ея къ другому (иногда уже для всего объема даннаго языка; такъ малорусское „квитка“ непонятно для великоросса и даже въ общелитературномъ языкѣ—для человѣка, незнакомаго съ нарѣчіями роднаго языка, что у насъ еще считается пока „спеціальностью“, и наоборотъ, отлично извѣстное всему литературно-образованному люду „Квитка“ (Основьяненко) въ такой же мѣрѣ мало понятно средѣ малоросса—простолюдина, въ средѣ коего именно эта форма обще-литературнаго слова („цвѣтокъ“) выросла.

И это не случайность, не частное явленіе, а общій процессъ, неутомно шумящій въ языкѣ, обнаруживающій, что за сложное и многообразное явленіе человеческая личность даже въ самой элементарной созидательной дѣятельности. Нечего говорить о томъ, какъ разнообразно примѣняется въ жизни, сколь перемѣнчиво не только въ различныхъ говорахъ, но и въ томъ же говорѣ, языкѣ въ разное время, у разныхъ людей, и въ рѣчи одного и того же человѣка въ разныхъ обстоятельствахъ слово и въ закрѣпшей формѣ звуковой. („Верста“—поворотъ плуга, борозды, мѣра земли, мѣра длины, 500 сажень; „верста жизни“; „коломенская, чугуевская верста“—сначала особенно длинная ¹⁾, а потомъ—для прозванія человѣка длинноногого, оч. худого и высокаго и т. д.; не говорю уже о цѣломъ выводкѣ производныхъ „сверстникъ“—ведущій борозду, пашущій рядомъ со мною; ведущій рядомъ борозду жизни—однолѣтокъ, вообще товарищъ, равный по службѣ, по чинамъ, орденамъ и проч.). Само собою ясно, сколь неизмѣримо увеличится захватъ мысли—слова, когда соединятся оба приема—звуковое и смысловое индивидуальное разнообразіе—для общей дѣятель-

¹⁾ По рассказамъ старожиловъ чугуевскихъ виновникомъ этого новаго значенія былъ графъ Аракчеевъ, отмѣривавшій будто бы версты длиннѣе обычныхъ.

ности. („Дача“—сначала земля, данная княземъ своему дружиннику, потомъ вообще „жалованный“ земельный участокъ и т. д. до современнаго—очень далекаго отъ исходнаго — „дача въ двѣ комнаты“, и каждое изъ сложныхъ „отдача, сдача, придача, удача“ и т. д., бросающее мысль въ самыя разнообразныя углы знаній и наблюденій, съ такими же видоизмѣненіями въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности: „отдача“ (денегъ, ружья и проч.), „даль сдачи“ (отвѣтили ударомъ или въ такомъ родѣ) и проч.).

Когда же вырѣжутъ на этихъ долгихъ путяхъ мысли ея категоріи, отчетливо выдѣлятся члены предложенія и части рѣчи, — здѣсь, въ предложеніи, въ сочетаніи хотя двухъ изъ вышерассмотрѣнныхъ разросшихся, расцвѣтшихъ, словъ въ новое сложное цѣлое, въ т. наз. синтаксисѣ, малѣйшая индивидуальная черта—перестановка словъ, мимика, жестъ, удареніе, тонъ, (интонація), темпъ рѣчи, ритмъ ея—все можетъ придать совершенно новое, неожиданное значеніе какъ будто закрѣпшему простѣйшему сочетанію („дерево — липа“ и „липа—дерево“, „дерево — липа?“ и „липа — дерево!“ — все различныя пониманія одного и того же для глаза сочетанія словъ). Въ письменной передачѣ такого короткаго текста болѣе тонкихъ оттѣнковъ (существующихъ явно въ живой рѣчи) воспроизвести невозможно: они улавливаются въ контекстѣ, тѣмъ болѣе сложномъ (вплоть до цѣлаго художественнаго произведенія,—стихотворенія, басни, романа, драмы, научнаго изслѣдованія и проч.), чѣмъ сложнѣе духовная жизнь того лица (или лицъ), рѣчь—мысль коихъ выливается во внѣ, въ словѣ. Объемъ статьи не позволяетъ мнѣ приводить здѣсь такіе примѣры ¹⁾, да они и излишни: вся мощь слова и широта ея захвата ясны для всякаго, кто призадумается уже надъ приведенными, памятуя, что число комбинацій неимоверно возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія (относительно небольшого) числа комбинируемыхъ элементовъ даже въ математикѣ, гдѣ нѣтъ мѣста вращенія въ простую комбинацію, въ элементъ ея, чего-либо сложнаго, чтб постоянно наблюдается въ языкѣ.—Такъ значитъ языкъ воочію есть

¹⁾ Иллюстраціей послужить маленькій экскурсъ въ область разнообразія пониманія сложнаго термина „православіе“ по статьѣ Никольскаго, приводимый ниже.

дѣятельность, притомъ крайне разнообразная, многообъемлющая, *дѣятельность создающая* (на обычныхъ, повседневныхъ процессахъ) и творческая (на болѣе высокихъ), подготовляющая путь къ пониманію такихъ состояній духа человѣческаго, которыя поднимаются надъ разумомъ, превосходятъ его силы. Это область высшихъ подъемовъ духа въ творчествѣ художниковъ, коимъ для наиболѣе тонкихъ и высшихъ взлетовъ духа наши слова (во всемъ ихъ величіи) оказываются недостаточными, слабыми—„мысль изреченная есть ложь“, какъ оказывается слабой наша наука для пониманія четвертаго измѣренія, хотя орлы нашей научной мысли пробовали туда взлетывать и принесли смутные зачатки такого вѣдѣнія. Это предѣлъ для обыденнаго человѣка вверху, какъ животное было внизу, позади, въ пройденномъ мыслью—наукою пути. Тутъ начинается восхожденіе къ „святости“, какъ при частичныхъ разрушеніяхъ души быть возвратъ къ животному.

Дѣятельность языка-мысли во всемъ захватѣ его заключается собственно въ двухъ актахъ: въ постановкѣ вопроса и въ отвѣтѣ на него; одно слово (или любой рядъ—цѣль таковыхъ) является вопросомъ,—„подлежащимъ“ (разсмотрѣнію), другое (или опять таки цѣлые ряды таковыхъ)—отвѣтомъ, „сказуемымъ“; сложность и многосоставность обоихъ м. б. крайне велики, т. к. внѣ языка (кромѣ того, что указано нѣсколько выше, что за его предѣлами) нѣтъ разумнаго пониманія. Поэтому даже глубочайшіе вопросы—о міровоззрѣніи, напр.,—разрѣшаются здѣсь. Даже вопросы религіи *по пути отъ человѣка къ Богу* (тогда какъ догматика идетъ какъ разъ обратнымъ путемъ—открываніемъ Себя Богомъ человѣку) находятъ здѣсь свое разрѣшеніе. Таковъ напр. крайне жгучій въ настоящее время, когда пытаются „вѣрить разумомъ“, для всего русскаго народа вопросъ о томъ, что такое русское православіе, если итти къ выясненію его не отъ догматовъ (которые, разумѣется, непоколебимы, ясны и отнюдь не эволюционируютъ, поскольку они являются Богооткровеніемъ), а отъ человѣческаго пониманія, отъ подстановки на мѣсто непосредственнаго пониманія—лицезрѣнія Бога, доступнаго святымъ—различнаго въ разныя эпохи человѣчества въ предѣлахъ его разума и слова. И поскольку это личное пониманіе дерзаетъ входить „во свя-

тая святыхъ". получается особенность, своеобразность, въ болѣе рѣзкихъ случаяхъ ведущая къ расколу и ересямъ.— Не даромъ такъ горячо занята этимъ вопросомъ не только духовная (тоже идущая, къ сожалѣнію, вразбродъ) литература, но и свѣтская., Такъ, даже „Русская Мысль“ дала мѣсто статьѣ Н. К. Никольскаго „О древне-русскомъ христіанствѣ“¹⁾ (хотя и снабженной нѣкоторыми угодливыми современности фіоритурами, но очень серьезной и интересной), ставящей православіе.—вопреки распространенному—подъ вліяніемъ естествознанія—миѣнію, какъ „символа мракобѣсія“,—очень высоко²⁾. „Православіе есть та религіозная идеологія, подъ вліяніемъ которой складывался и, вѣроятно, долго еще будетъ складываться строй жизни не одного десятка милліоновъ людей. Это одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ морали. Это одна изъ тѣхъ жизненныхъ нормъ, съ которою даже помимо желанія вынуждены считаться законодательныя и общественныя организаціи и отдѣльныя лица. Это то знамя, подъ рукою водствомъ котораго русское славянство накопляло свои силы для исторической борьбы. Это, наконецъ, та исходная точка, съ которой начинались личныя религіозныя переживанія почти каждаго изъ насъ“³⁾.—„Это та духовная атмосфера, безъ которой невозможна дальнѣйшая жизнь русскаго человѣка“⁴⁾.—„Подъ православіемъ мы должны понимать церковно-народное пониманіе его сущности. Весь вопросъ т. о. заключается въ томъ, откуда и какъ мы могли бы добыть наиболѣе точныя свѣдѣнія о такомъ именно пониманіи“⁵⁾.— Конечно, въ твореніяхъ народной религіозной мысли, поскольку она сохранилась въ письменныхъ памятникахъ, особенно той эпохи, когда все классы народа были возможно близки другъ къ другу, когда въ ихъ міросозерцаніяхъ не было еще глубокихъ водораздѣловъ. „Старинныя монастырскія и церковныя библіотеки сохранили не одинъ десятокъ

1) За н. г. кн. VI, с. 1—23.

2) Это образчикъ, иллюстрація необычно широкой захватываемости а потому и трудно—понимаемости такихъ формъ мысли—языка, гдѣ сложное понятіе проходитъ черезъ сложную душу, усваивающую и предающую вовнѣ многообъемлющее чужое пониманіе.

3) *Никольскій*, с. 1-я.

4) *Ив.*, 3.

5) *Ив.* 4

тысячъ рукописей съ многочисленными произведеніями древне-русской духовной ли-ры, по которымъ можно ознакомиться съ судьбою русской религіозной идеологіи (—т. е. отношенія народнаго сознанія къ источникамъ вѣры—)въ разное время. Вся эта книжность драгоцѣнна не только потому, что въ ней находятся источники др.-рус. православія (библейскія книги) и святоотеческія творенія, но и настоящій запасъ матеріала, обрисовывавшаго степень и формы ихъ усвоенія народно-церковнымъ сознаніемъ древней Руси“¹⁾... „признака той специфичности въ отношеніи къ евангельскому ученію, которая д. составлять *особенность русскаго національнаго credo*... *Какъ въ зеркаль на этомъ богатомъ наслѣдствѣ отражается церковно-религіозная жизнь нашихъ предковъ въ разнообразныхъ ея отношеніяхъ*“ (ib.).

Однако, по разнымъ условіямъ, ни наша духовная л-ра, ни свѣтская въ эту сторону какъ разъ и не пошли, и родились отсюда многія печальныя послѣдствія, всегда происходящія при взаимномъ непониманіи, а особенно умышленномъ. Духовная л-ра объявила эти (всегда лежащіе корнями въ національномъ языкѣ) народные богоисканія „запретными“ и постепенно загнала въ „лѣса и на горы“ значительную часть нашихъ раннихъ любителей и цѣнителей (б. м. своеобразныхъ) Св. Писанія. А наши историки (лишенные въ своей языковой—мыслительной почвѣ надлежащей, родной подготовки) древне-русской л-ры „стали разсматривать старыя церковныя книги, какъ историческое начало позднѣйшей беллетристики, и потому увлеклись тѣмъ методомъ, который на западѣ употребляли гл. обр. въ примѣненіи къ старинной свѣтской ли-рѣ“ (Ник., с. 8-я), т. к. наша наука выросла на „чужихъ хлѣбахъ“, и понынѣ все еще стремится „не отстать“ отъ зап.-европейской, забывая, что и наука есть только болѣе зрѣлый и совершенный плодъ на нивѣ родного (всегда особнаго, національнаго) языка.—„Я не знаю. говорить г. Никольскій, ни одного курса по исторіи нашей словесности, гдѣ житія, поученія, каноны, молитвы, хожденія и похвальныя слова святымъ оцѣнивались бы какъ продуктъ религіознаго творчества или какъ результатъ церковныхъ потребностей. Но я знаю ученые диссертациі... гдѣ

¹⁾ Никольскій, с. 7.

церковное преданіе выдавалось за изобрѣтеніе автора стараго времени, гдѣ житіе и поэтическая сказка не различались" (Ник., с. 8). „Современные авторитеты въ этой области“ задачи своего историко-литературнаго изученія заканчиваютъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы только начинать работу“;— вѣдь тамъ и ключъ для объясненія многихъ загадокъ современности... отдаленные корни тѣхъ религіозныхъ исканій, которыя такъ волнуютъ сектантовъ, которыя привели интеллигенцію на путь отрицаній и благодаря которымъ всемірная л-ра внесла на свои страницы имена Достоевскаго и Толстого" (Ник. с. 19-я). А межъ тѣмъ эти лѣтописи, житія и особенно 2 знаменитыхъ слова современника князя Владиміра пресвитера Иларіона („О законѣ и благодати" и „Исповѣданіе вѣры") раскрываютъ предъ нами съ поразительной яркостью характеръ и сущность тогдашняго пониманія христіанства (рѣзко отличныя отъ временъ воцаренія аскетизма и современнаго). „При Владимірѣ и при сынѣ его Ярославѣ русское христіанство было проникнуто свѣтлымъ и возвышеннымъ оптимизмомъ міровой религіи" (Ник. с. 12), которая просвѣщаетъ землю, разгоняя мракъ бѣсовскаго кумиролуженія и насѣвая истину въ прежнемъ царствѣ невѣдѣнія и лжи (—т. е. является основой духовнаго прогресса—)... Этотъ религіозный оптимизмъ былъ прямымъ послѣдствіемъ взгляда на спасеніе: оно получалось черезъ крещеніе (и покаяніе) и милостыню... Отсюда, принятіе христіанства д. было являться началомъ творчества, радости и веселія" (с. 13—14). „Это были самыя восторженныя пѣсни начавшагося духовнаго возрожденія... И съ эпохою Владиміра и Ярослава дѣйствительно совпадаютъ годы расцвѣта нашего просвѣщенія" (Ник., с. 14-я), что блистательно подтверждается и немногими дошедшими свѣтскими памятниками этой эпохи и наконецъ историческими данными. Въ дальнѣйшихъ, позднѣйшихъ памятникахъ столь же ярко отражались вновь зарождавшіяся пониманія основы (конечно образной, а не логической - математической вѣроученія Евангельскаго, по новымъ состояніямъ языка - мысли, но за этимъ я уже слѣдить не стану, т. к. злоупотребилъ и безъ того длиннымъ отступленіемъ, да и путь творчества народнои мысли опредѣлился. намѣтилась его безграничная широта захвата и возможность

при ясномъ національномъ сознаніи ставить и рѣшать самыя сложныя проблемы, даже въ болѣе раннія эпохи, такъ, что они служатъ образцомъ для позднѣйшихъ, если въ послѣднихъ помутнѣло, затинилось такое самосознаніе ¹⁾).

Такъ было (—возвращаюсь къ истоку—) и съ проф. Погодинымъ, когда онъ попалъ въ своемъ изслѣдованіи на раздоръ, — гдѣ стояли не страшныя для одного сказочнаго Ивана-царевича надписи, — „научно“ или „мистично“, „современно“ или „антропоморфично“ и т. п.; временами онъ увлекался авторитетами и вынужденъ былъ впадать мѣстами въ противорѣчіе съ самимъ собою. Говорю это, конечно, не для умаленія достоинствъ почтенной и полезной книги, давшей обстоятельный обзоръ современнаго положенія вопросовъ, тѣснымъ кольцомъ окружающихъ вопросъ о сущности языка, о его роли въ духовной жизни человѣка, объ этомъ отличительно „человѣческомъ въ человѣкѣ“. Спасибо ему, исполать отъ тѣхъ, кому дороги вопросы духа, онъ выяснитъ, до какихъ предѣловъ можетъ дорасти психическая жизнь животнаго, а, значитъ, и что могъ бы унаслѣдовать человѣкъ отъ животнаго, если бы таковое было его родоначальникомъ (пропасть между животнымъ и человѣкомъ по его мнѣнію все же незаполнима; а отсюда выводъ, что языкъ человѣческій—другой породы, чѣмъ языкъ самыхъ высшихъ животныхъ). Однако проф. Погодинъ даетъ неясное, а отчасти и невѣрное представленіе объ ученіи Потебни, [„со славнымъ именемъ котораго ему такъ хотѣлось бы связать свой трудъ“— см. „Предисловіе“], создавшемъ эпоху въ области изученія сути языка. Вотъ это я пытался раскрывать, гдѣ не соглашался съ проф. Погодинымъ, дабы не вводить во искушеніе „малыхъ сихъ“, для коихъ по преимуществу предназначается эта книга. Это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что высота и важность ученія Потебни оцѣнена

¹⁾ Ср. напр. *Н. Шапиръ* „Учительство литературы“ (въ Русск. Мысли“ 1913, IV, 15—37) гдѣ предлагается идея, покоящаяся на абсолютномъ непониманіи сущности образнаго мышленія: „поставить художественную л—ру въ одинъ рядъ со всѣми остальными книгами (с. 37), лишивъ ее (—какъ будто это возможно!—) національнаго учительства руководства умамъ.

уже не одними спеціалістами ¹⁾, да оно и понятно, т. к. языкознаніе въ своей философской сторонѣ (а Потебня именно и былъ таковымъ языковѣдомъ) не какая-либо спеціальная отрасль философіи, а всезахватывающій духъ ея. — Если дарвинизмъ, ведущій человѣка внизъ, къ животному, своею схематическою простотою и доступностью самому обыденному уму, а главное стройностью, цѣльностью (хотя бы и на логномъ основоположеніи) міросозерцанія могъ захватить въ свою власть цѣльня поколѣнія, и понынѣ (несмотря на сильнѣйшія пробоины, которыя сдѣлали въ немъ новѣйшія научныя изслѣдованія, особенно языкознаніе, установившее неперехождаемую пропасть между человѣкомъ и животнымъ) все еще царитъ въ наукѣ, — какъ же не проводить въ жизнь не менѣе стройный и научно-цѣльный „потебнизмъ“ ²⁾, дающій возможность сложить иное міросозерцаніе — по направленію въ высъ — къ „чинамъ ангельскимъ и образу и подобію Божію“.

А. Ветуховъ.

¹⁾ Вотъ замѣчательныя слова не языковѣда, публициста-писателя Андрея Бѣлаго, помѣстившаго оч. интересный разборъ идей А. А. Потебни въ „Логосѣ“ (—международный ежегодникъ по философіи культуры кн. 2-я. М. 1910 г. с. 240—258) въ статьѣ „Мысль и языкъ (философія языка А. А. Потебни“): „Много и долго писалъ А. А. Потебня и читали, пожалуй, его не мало, а между тѣмъ просмотрѣли въ немъ замѣчательнаго ученаго... просмотрѣли огромный талантъ... усматривали неясности, неудобчитаемость, а дерзновеніе просмотрѣди. И только недавно какъ бы вновь открыли его труды“ (с. 240). — „И если гордостью русской науки мы считаемъ Менделѣевыхъ, Лобачевскихъ, Мечниковыхъ, Пироговыхъ, то отнынѣ къ славному ряду именъ мы присоединимъ и имя Потебни“ (с. 241).

— „Велико значеніе Потебни для гносеологическихъ изслѣдованій будущаго въ области эстетики; включеніемъ грамматики и языкознанія въ эстетику мѣняется самый характеръ ея. Въ рядахъ цѣнностей культуры появляется новый рядъ: словесныхъ цѣнностей“ (с. 247).

— „Столь же велико значеніе Потебни для будущей теоріи символизма, которая хочетъ видѣть себя теоріей творчества... Теорія творчества сталкивается съ теоріей знанія: общія задачи ихъ объединяютъ“ (ib.).

„Потебня одинаково д. б. дорогъ и теоретикамъ мысли и теоретикамъ искусства“ (ib.).

²⁾ Слово это не мнѣ одному пришло въ мысль, — его употребляетъ и почтенный Редакторъ этого журнала въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ. Пора дать ему путь въ жизнь языка и научной мысли.